

Цянь Сяолю глубоко вдохнул, притворился удивлённым, вошёл и сказал:

— Господин Ян, как вы здесь оказались?

Жун Му очень хотел сказать: «Ты серьёзно?! Как мы здесь оказались? Ты что, прикидываешься дурачком?!»

Однако Гу Сэнье остановил его, покачав головой. Жун Му понял, что у Ян Гуана свой план, и сдержался, не сказав ни слова.

Ян Гуан был спокоен, совершенно не разделяя нетерпения Жун Му, и равнодушно произнёс:

— В прошлый раз я слышал, что ваша мать здесь лежит в больнице. Сейчас съёмки нашей группы завершены, дел нет, вот и решили навестить вашу мать.

Цянь Сяолю был умным человеком. Он понял намёк Ян Гуана и даже почувствовал, что тот, возможно, что-то знает и пришёл проверить его.

Но...

Но что он мог сделать? У Ян Гуана точно не было доказательств.

Пока он сам не признается...

Цянь Сяолю фальшиво улыбнулся и сказал:

— Садитесь, садитесь, все садитесь. Здесь так скромно, может быть... я принесу вам воды.

Жун Му едва сдерживался. Цянь Сяолю явно уходил от ответа, и по его виду было ясно, что он уже понял, зачем они пришли, но продолжал притворяться.

Жун Му встал и сказал:

— В палате слишком душно, я выйду подышать.

Гу Сэнье тоже поднялся:

— Я тоже прогуляюсь.

Гу Сэнье боялся, что Жун Му может сорваться, и пошёл за ним. Остальные остались в палате.

Все просидели ещё полчаса. Цянь Сяолю всё это время фальшиво улыбался и не собирался признаваться, хотя всё и так было понятно.

Ян Гуан посмотрел на часы, встал и сказал:

— Время посещения скоро закончится, мы не будем больше беспокоить вашу мать.

Ян Гуан не сказал ни слова больше, взял своего маленького сына Ян Цзяня и направился к выходу.

Цянь Сяолю стоял на месте, его ноги словно налились свинцом, и он не мог сдвинуться с места. Глядя на уходящие спины Ян Гуана и остальных, он не понимал, о чём думал.

Ян Гуан и другие помогли ему решить проблему с сиделкой, нашли хорошую сиделку для его

матери. Цянь Сяолю был благодарен и тронут, но он всё равно не мог двинуться с места и не решался заговорить.

— Подождите.

В тот момент, когда Ян Гуан уже собирался выйти из палаты, кто-то заговорил. Это был не Цянь Сяолю, а его мать.

— Мама?! — Цянь Сяолю сразу же подбежал, поддержал мать и спросил:

— Мама, вы пришли в себя? Вы в сознании? Узнаёте сына?

— Мой сын, — сказала мать Цянь Сяолю, — как я могу не узнать? Снова загорел. Наверное, тяжело работать журналистом, всё время в разъездах.

Мать Цянь Сяолю внезапно пришла в себя, и он взволнованно произнёс:

— Как хорошо, как хорошо! Я сейчас же позвоню сестре, пусть придет навестить тебя.

— Не надо, твоя сестра слишком занята, не беспокой её. — Мать Цянь Сяолю посмотрела на Ян Гуана и сказала:

— А вот с этим господином я хотела бы поговорить наедине.

— Наедине? — Цянь Сяолю удивился.

Ян Гуан не отказался и сказал:

— Я возьму коляску. Погода хорошая, может быть, вы хотите прогуляться?

До конца посещения оставалось полчаса. Ян Гуан взял коляску и вывез мать Цянь Сяолю во двор больницы. Маленький Ян Цзянь подбежал к клумбе, присел на корточки, обнял свои коленки и с любопытством стал разглядывать цветы.

Мать Цянь Сяолю медленно сказала:

— Я была плохой матерью... Когда дети нуждались во мне, я никогда не могла помочь, только тянула их назад. Из-за моей болезни я чаще была в бреду, чем в сознании, и не могла их воспитывать, направлять... Я вижу, Цянь Сяолю что-то натворил?

Ян Гуан промолчал.

Мать Цянь Сяолю сказала:

— Цянь Сяолю — это плоть от плоти моей, я хорошо его знаю. Его лицо выдает, что он виноват, он так нервничает. Я не буду его оправдывать, потому что за ошибки нужно отвечать самому, особенно когда Цянь Сяолю уже взрослый человек.

Цянь Сяолю стоял наверху, смотрел через стекло коридора во двор, где мать разговаривала с Ян Гуаном. Расстояние было слишком большим, он не мог расслышать, что они говорят, и, пытаясь прочесть по губам, ничего не понимал.

Сердце Цянь Сяолю билось, как барабан. Неужели Ян Гуан расскажет его матери, что он стал падшим папарацци? Неужели мать разочаруется? Не пожалеет ли она, что у неё такой

неблагодарный сын?

Он нервничал, его руки и ноги стали холодными, словно он попал в ледяную пропасть. Когда Ян Гуан вернулся с матерью, Цянь Сяолю сразу же подбежал, но не смог понять по их лицам, о чём они говорили.

Цянь Сяолю проводил мать в палату, время посещения закончилось, и ему пришлось уйти. Он был в тревоге, но не мог не спросить, неуверенно произнеся:

— Господин Ян, вы... что-то говорили с моей матерью?

Ян Гуан посмотрел на него и, как и сказала его мать, на лице Цянь Сяолю читалась вина.

Ян Гуан спокойно сказал:

— Она хорошая мать.

— А? — Цянь Сяолю не понял, машинально издал звук. Ян Гуан больше ничего не сказал, взял сына на руки и вышел из здания больницы.

Жун Му сидел у входа в больницу, держа в руке камешек и рисуя круги на земле. Увидев, что Ян Гуан и остальные выходят, он сразу же подошёл:

— Гуанцзы, как дела? Цянь Сяолю признался?

Ян Гуан промолчал, Юйвэнь Янь покачал головой:

— С самого начала и до конца Цянь Сяолю не упомянул о записи.

— Я так и знал! — сказал Жун Му. — Посмотрите, до чего он дошёл! Он просто испорченный тип! Ради пятидесяти тысяч юаней он подделал запись, перевернул всё с ног на голову, это настоящий негодяй! Гуанцзы, ты надеялся, что он сам во всём признается? Это же просто мечты!

Ян Гуан держал на руках маленького Ян Цзяня, смотрел на оживлённое движение у входа в больницу. Это была больница в центре города, с множеством дорог, пересекающихся друг с другом, а впереди был ещё и путепровод.

Ян Гуан внезапно заговорил:

— Цзянь, посмотри, впереди много развилок.

Маленький Ян Цзянь посмотрел в направлении, куда указывал отец, кивнул, моргнул своими большими глазами, глядя на отца.

Ян Гуан медленно продолжил:

— Каждый человек сталкивается с множеством выборов, но как бы трудно ни было, не стоит из-за спешки выбирать путь, который противоречит твоей воле, потому что многие дороги, однажды выбранные, не имеют возврата.

Маленький Ян Цзянь не совсем понял слова отца, почесал свои волосы, но всё равно кивнул:

— Угу! Папа, я запомнил!

— Подождите! Господин Ян!

— Цянь Сяолю? — Жун Му с удивлением посмотрел на молодого человека, который выбежал вслед за ними.

Цянь Сяолю бежал, его журналистский бейдж болтался на груди, что показывало, как сильно он спешил.

Ян Гуан задумчиво сказал:

— Но, к счастью, некоторые дороги можно развернуть.

Цянь Сяолю тяжело дышал и сказал:

— Господин Ян, могу я поговорить с вами?

Ян Гуан кивнул, указал на ближайшее кафе и сказал:

— Пойдём.

Все вошли в кафе, сели. Цянь Сяолю, обычно дерзкий и резкий во время интервью, на этот раз был явно смущён, опустил голову, потер колени. Ян Гуан заметил, что он и его сестра, когда совершают ошибки, ведут себя очень похоже.

Цянь Сяолю неуверенно сказал:

— Господин Ян, вы пришли в больницу не просто навестить мою мать, верно? У вас... есть какие-то дела?

Жун Му не выдержал:

— Ты что, прикидываешься дурачком?

Но Ян Гуан сказал:

— Я пришёл, чтобы дать шанс ребёнку больной матери развернуться.

Цянь Сяолю хотел возразить, но Ян Гуан поднял руку, прервав его, и добавил:

— Тебе очень хочется знать, что я говорил с твоей матерью? Говорил ли я ей о твоих проступках, добавлял ли масла в огонь, как это делаете вы, папарацци, искажая и перекручивая факты, верно?

Цянь Сяолю сразу же онемел.

Ян Гуан тихо сказал:

— Твоя мать хорошо тебя знает. Я ничего не говорил, но она всё поняла сама. Она сказала мне, что за ошибки нужно отвечать самому, она не будет тебя оправдывать, но как мать, она попросила меня об одном.

— О... о чём? — Обычно красноречивый Цянь Сяолю вдруг запнулся.